

, Обновите последние главы "Эпохи тяжелой работы" как можно скорее!

Ранним утром 5-го числа Лу Дун не пошел в компанию, чтобы подготовиться к завтрашней церемонии помолвки с Сон На. Ранним утром он обсудил с дядей Ци и дядей завтрашнее гостеприимство, организовал конвой, чтобы забрать людей завтра, и сказал Сунь Вэньбиню о количестве гостей. Примерно определите количество мест на завтра.

После шести часов, после завтрака, Лу Донг, Лу Цзяньжэнь и Ли Вэньюэ встретились и вместе отправились в старую деревню.

“Прошлой ночью два коллекционера антиквариата тайком бродили по старой деревне.”

Они втроем сидели в машине Лу Цзяньжэня, и Ли Вэньюэ сказала: "Я не знаю, что я хочу делать", - громко спросила Хунсин и убежала.”

Лу Цзяньжэнь похлопал по рулю: “У этих внуков, которые собирают антиквариат, нет никаких веселых намерений. Они обмануты. Какие плохие трюки не используются?”

Лу Донг сказал: "Мое сердце дикое, и я смелый. Если я не могу его купить, я украду его. Если я не могу его украсть, я даже осмелюсь схватить его!"

Когда машина подъехала к началу Синьцунь, Лу Ланьлань внезапно вышел с запада, держа в руке особенно большую картонную коробку.

“Дядя Севен, Брат Донг!” Она закричала, когда увидела людей в машине.

Лу Цзяньжэнь остановил машину, Лу Дун опустил стекло: “Ланьлань, что ты делаешь?”

Лу Ланьлань наклонил коробку и попросил Лу Дуна заглянуть внутрь: “Кошка тети Цзянь родила пятерых за первые две недели. Если я больше не хочу ее растить, я заберу ее обратно и открою киоск в воскресенье. Я продал ее и купил вкусной еды.”

Когда Лу Донг увидел его, в коробке было пять маленьких цветочных котов возрастом меньше месяца.

“Ты знаешь, что нужно есть.- небрежно сказал Лу Цзяньжэнь.

Лу Ланьлань улыбнулся: “Я ухожу, и мне нужно купить немного сухого молока через некоторое время.”

Лу Цзяньжэнь выехал из новой деревни и вскоре подъехал к старой деревне. Машина остановилась на обочине дороги, и они втроем собирались войти в старую школу.

За последние два дня стало меньше людей, приходящих понаблюдать за ажиотажем, но время от времени люди, собирающие антиквариат, продолжают наезжать.

Как только я подошел ко входу в школу, я увидел Лу Тао и нескольких человек и остановил мужчину, который нес черную кожаную сумку для сбора антиквариата. Этот человек, возможно, издевался над Лу Тао и другими из-за их юного возраста и держал язык за зубами.

Не говоря ни слова, Лу Цзяньжэнь бросился к затылку мужчины и поцарапал его.

“Кто, что ты делаешь?” Мужчина повернул голову и увидел Лу Дуна и Лу Цзяньжэня с мрачными лицами, затем посмотрел на Лу Тао и молодых людей, развернулся и ушел.

Лу Тао сказал: “Эти ублюдки похожи на мух, которые чуют дерьмо...”

Лу Донг похлопал его по плечу: “Подожди еще несколько дней, и когда все будет готово, мы отправим его в банковский сейф.”

Три человека вошли в старую школу и увидели, как кто-то принес стопку белой хлопчатобумажной ткани в переднюю классную комнату.

“Дядя Цзяньпин.- крикнули Лу Донг и Ли Вэньюэ.

Лу Цзяньпина за пятьдесят, у него простое лицо. Он улыбнулся и сказал: “Там нужна ткань.”

Он посмотрел на вход в старую школу и увидел “чероки”, припаркованный на обочине дороги напротив.

Лу Цзяньпин знал, что это была машина Лао Ци. При мысли о том, что такой грязный человек купил машину, его сердце было немного разбито и немного неуравновешенно.

В это время Лу Дун спросил: “Дядя, когда ты вернулся?”

Лу Цзяньпин сказал на ходу: “Только в этом месяце бизнес в столице вести нелегко. После более чем десяти лет смешивания ничего не перепуталось. Когда наша деревня развивалась, я просто вернулся. Я уже не молод. Я просто вернулся, чтобы уйти на пенсию. В деревне много чего есть. Если вы можете помочь, вы можете это сделать.”

Лу Цзяньжэнь сказал: “Хорошо вернуться, и опавшие листья вернуться к своим корням. Он

достал сигарету и протянул ее Лу Цзяньпину: "Тогда ты был хорошим учителем, так почему же ты уволился?" "Если вам придется ворваться в столицу, разве вам не придется в конце концов вернуться?"

Лу Цзяньпин достал зажигалку, прикурил сигарету для себя и Лу Цзяньжэня и сказал: "Разве у тебя тогда не было доброго сердца?" "Я просто хотел выйти и посмотреть, смогу ли я пробиться в мир. Кто знает, что здесь не так хорошо, как в моем родном городе, и не так дешево выйти и сделать что-то дома."

Он все еще в деревне со своим хукоу, но возвращается раз или два в год: "За последние два года наша деревня становилась все лучше и лучше. Я не планирую уезжать на этот раз, когда вернусь. Я уйду на пенсию раньше."

Лу Цзяньжэнь улыбнулся: "Вы хотите уйти в отставку? поскольку вы были учителем в конце 1980-х годов, вы также были директором, как и Цзяньсун, и некоторое время были заместителем директора."

Лу Цзяньпин очень доброжелательно улыбнулся: "В мире не продается ни одного лекарства от сожаления."

Есть веские причины для отъезда. С одной стороны, я не хочу всю жизнь жить в деревне Сяобу, а с другой стороны, я не хочу разрушать свою семью.

В это время Ли Вэньюэ спросил: "Дядя Цзяньпин, какими делами вы занимаетесь в столице?"

Лу Цзяньпин небрежно сказал: "Я бросаю вещи вслепую."

Когда он подошел к двери класса, Лу Цзяньпин потушил сигарету, внес вещи, встряхнул руками на ходу и посмотрел на некоторые вещи. Его руки чесались и были неприятно напряжены.

Утром это будет на улице.

Трое из Лу Дуна разделились. Сначала он пошел на склад для кружка, а затем поговорил с профессором Фанем. Когда он вышел, он снова встретил дядю Ци.

Лу Цзяньжэнь бросил Лу Дуну бутылку минеральной воды как раз вовремя, чтобы увидеть, как Лу Цзяньпин ушел в другую комнату, которая служила временной студией, и сказал: "Он много страдал за эти годы. Я слышал, что он переливал кассеты, продавал одежду и видеомагнитофоны. Это нелегко."

Лу Дун кивнул: "Если у тебя хорошая жизнь, можешь ли ты оставить тетю Цзяньпин и детей в деревне?" "Меня уже отправили в столицу."

В это время из офиса вышла Ли Вэньюэ и что-то сказала им двоим. Вчера в деревню прибежал коллекционер антиквариата и чуть не унес сандаловое кресло из дома четвертой бабушки.

“Эти внуки должны преподать урок! Лу Цзяньжэнь нахмурился: “Яма приближается к нашей деревне!” Действительно думаешь, что в нашей деревне Луджа никого нет?”

.....

По мере того, как солнце постепенно поднималось все выше, Сунь Ваньфэн ехал на мотоцикле и увидел вооруженную полицию у часового у гробницы Луочжуан Хань. Он развернулся на перекрестке Луочжуан и помчался прямо на север. Пересекая пещеру скоростного моста, он увидел деревню Луцзя на севере.

Когда я получил эту новость, я проделал весь путь от Линци, и у меня немного болела задница, и я, наконец, был почти на месте.

Здесь есть люди, которых я знаю, которые были здесь в молодости и до сих пор помнят дорогу.

Подходя ко входу в старую деревню, минуя строящуюся сторожку, я увидел надпись “Луцзяцунь”, висящую на полке сторожки, и был уверен, что нашел не то место.

Как только я подъехал к въезду в деревню, я увидел большой зонтик от солнца, стоящий на обочине дороги, почти загораживая половину дороги.

Сунь Ваньфэн невольно притормозил, присмотрелся повнимательнее под зонтиком и увидел мужчину в рубашке с короткими рукавами, сидящего на маз и курящего.

Он только что приехал и хотел подойти и спросить. В конце концов, в новостях сказали, что здесь был обнаружен клад, сказав, что там было много золота, серебра и фарфора, но он должен был спросить о конкретной ситуации.

Человеку под зонтиком должно быть меньше сорока, он высокий и сильный, а ноги и руки, открытые снаружи одежды, полны сухожилий.

Люди очень хорошо себя ведут, но не похоже, что у них все хорошо.

Рядом с мужчиной все еще сидела пятнадцатилетняя или шестнадцатилетняя девочка.

Рядом с маленькой девочкой стоит вывеска - продажа кошек!

Там был маленький цветочный кот, у которого только что было самое большее полнолуние, он

сидел у ног девочки, постоянно слизывая сухое молоко в фарфоровой тарелке.

Как только он увидел фарфоровую тарелку, сердце Сунь Ваньфэна бешено заколотилось. Он много лет коллекционировал антиквариат, но у него все еще было базовое зрение.

Эта бело-голубая фарфоровая тарелка - старинный предмет!

В какое время было невозможно сказать, какая печь находилась в устье, но узор и стиль, казалось, были чем-то от поздней династии Мин.

Сунь Ваньфэн остановил мотоцикл

“учитель” Он приветствовал Цюаньаня так, как приветствовал его: “Это Луцзяцунь?”

Как только Лу Цзяньжэнь услышал этот акцент, он понял, что он из другой страны. Он присмотрелся повнимательнее, визуально проверил сорок пять и кивнул: "Да? Тебя нет в городе? Кого ты ищешь?"

Сунь Ваньфэн слез с мотоцикла и сказал: "Приезжай навестить и оставить родственников. Он перевел взгляд на маленькую девочку: “В жаркий день выйти продавать кошек?”

Лу Ланьлань улыбнулся: “За последние два дня приходило и уходило много людей, поэтому я продавал и покупал хорошую еду.”

Взгляд Сунь Ваньфэна скользнул по тарелке с селадомом. Сначала он хотел спросить о тарелке, но, увидев возраст Лу Цзяньжэня, в его сердце возникла другая идея.

Просто слова маленькой девочки, должно быть, так обманчивы.

Это нелегко для человека такого возраста.

Сунь Ваньфэн снова увидел вертикальную картонную вывеску - продажа кошек!

“Этот котенок очень красивый, нравится ли он детям? Сунь Ваньфэн нежно коснулся маленькой цветочной кошки: “Моя дочь любит кошек. Одна из мышей, которых она вырастила, укусила мышь, которая приняла лекарство и умерла. Эй...”

Лу Цзяньжэнь составил предложение: "В нынешней кошке те, кто не ловит мышей, живут долго, а те, кто ловит мышей, не могут прожить и нескольких дней."

Сунь Ваньфэн похлопал себя по бедру: "Кто сказал "нет"! Крысиный яд повсюду! Кошка,

которую вырастила моя дочь, умерла и плакала весь день.”

Он подумал, что дело почти сделано, и спросил Лу Ланьлань: “Девочка, как ты продаешь этого кота?”

Лу Ланьлань мило улыбнулась: “Дядя, ты хочешь его купить?”

Сунь Ваньфэн кивнул: “Купи это для своей дочери, возвращайся и сделай ее счастливой!”

Лу Ланьлань вытянул два пальца и сделал V-образный жест: “Двести!”

“Так дорого? Сунь Ваньфэн нахмурился: “Как правило, коллекция продается максимум от трех до пятидесяти”.”

Глупые слова Лу Цзяньжэня прозвучали как бы невзначай: “От тридцати до пятидесяти - все местные кошки и кошки-веревки. Это настоящая короткоухая кошка в моей семье, иностранная порода!”

Сунь Ваньфэн похож на обычного покупателя кошек: “Это дешевле...”

Лу Ланьлань сказал с улыбкой: “Цена четко обозначена, и встречного предложения не будет.”

Сунь Ваньфэн немного поколебался и сказал: “Хорошо, двести - это двести! Трудно купить девушку за деньги, чтобы она была счастлива!”

Он достал двести юаней и протянул их Лу Ланьланю. Лу Цзяньжэнь протянул руку, чтобы взять их, посмотрел на солнце, и его лицо изменилось: “Брат, поменяй их.”

“Эти деньги только что были взяты из банка. Выражение лица Сунь Ваньфэна осталось прежним, и он взял деньги и поменял их на два.

Лу Цзяньжэнь взял его, взглянул и передал Лу Ланьланю: “Убери его.”

Лу Ланьлань подтолкнул кошку к Сунь Ваньфэну и вернул ее в маленькую коробку: “Положи ее туда, чтобы ты мог взять ее с собой.”

Сунь Ваньфэн положил кошку в маленькую коробку, встал, чтобы уйти, как будто о чем-то задумавшись, обернулся и сказал: “Жарко, я возвращаюсь издалека, возьми для меня эту маленькую тарелку, чтобы я мог покормить кошку и попить воды по дороге..”

Лу Ланьлань охранял тарелку: “Это нехорошо!”

Сунь Ваньфэн сделал шаг вперед и собирался заговорить снова. Лу Цзяньжэнь поднял голову: "Брат, моя девушка продает кошек, а не вещи."

"Должен ли я купить пластину в сборе?" Сунь Ваньфэн пошел платить.

Лу Ланьлань сказал с улыбкой: "Я продаю кошек, а не тарелки!"

Сказав еще несколько слов, Сунь Ваньфэн постепенно почувствовал что-то вкусное. Недалеко в тени сидели два молодых человека, все еще глядя в эту сторону.

"Считай меня слепым." Он больше ничего не сказал, положил коробку в раму мотоцикла, поджег ее и уехал.

В наши дни маленькая девочка больше не может в это поверить!

Лу Ланьлань нашел двести юаней и сказал: "Дядя Ци, я заработал четыреста!"

"Разве здесь нет кошки?" Старый бог Лу Цзяньжэнь здесь: "Продолжай". Чтение UU ww□.u □kanshu.com "

Спустя более получаса кто-то снова подошел, на этот раз не спрашивая кошку: "Малышка, как ты продаешь эту тарелку?"

Лу Ланьлань сказал с улыбкой: "Я продаю кошек, а не тарелки."

"делать□" Этот человек спросил: "Как вы продаете кошек?"

" Двести один."

"Я купил его, не могли бы вы отдать мне тарелку?"

"Эй, ты купил кошку, что ты хочешь, чтобы я сделал?"

Более чем в пять часов пополудни Лу Донг возвращался из центра округа с конфетами и тому подобным. Когда он увидел двух мужчин, которые установили киоск, он спросил: "В чем дело?"

Лу Ланьлань пнул щенка у своих ног: "Малыш ушел."

Лу Цзяньжэнь сказал: "Кошка, ее отец и мать оба продали ее. Ваш дядя Цзяньмин некоторое

время назад подобрал выводок щенков и попросил его помочь продать его.”

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/69285/2164713>